

УДК 37.013

DOI: 10.34670/AR.2022.71.59.027

Темпоральные отношения в русской и турецкой языковых картинах мира с позиций лингводидактики

Алпарслан Ахмет Мухаммет

Аспирант,

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
117485, Российская Федерация, Москва, ул. Академика Волгина, 6;
e-mail: alparslanahmetmuhammet@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются возможные подходы к лингводидактическому описанию средств выражения темпоральных значений в русском языке с учетом представлений о времени у носителей турецкого языка. Автор использует идею учета сходств и различий языковых картин мира родного и изучаемого языков. Актуальность работы обусловлена тем, что, несмотря на распространенность в методических работах названной идеи, исследований, посвященных представлению темы «Выражение временных отношений в русском языке» именно в турецкой аудитории, практически нет. Целью проводимого исследования было выявление ряда сходств и различий в представлениях о времени и в средствах выражения временных значений в русском и турецком языках как базы для их дальнейшего лингводидактического описания и предъявления турецким учащимся лексико-грамматической темы «Выражение времени в русском языке». Основные выводы исследования: проблемы освоения темы «Выражение временных отношений в русском языке» турецкими учащимися связаны не только с различиями в структуре русского и турецкого языков, но и в логике мышления его носителей, так что необходимо продумывать систему минимально достаточных комментариев, которые помогут учащимся понять особенности временных представлений в языковом сознании носителей русского языка; учитывать типичные ошибки, которые допускают турецкие учащиеся при изучении данной темы, разрабатывать задания на предупреждение возможных ошибок. Это поможет реализовывать принцип диалога культур. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного носителям турецкого языка.

Для цитирования в научных исследованиях

Алпарслан А.М. Темпоральные отношения в русской и турецкой языковых картинах мира с позиций лингводидактики // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 4А. С. 232-240. DOI: 10.34670/AR.2022.71.59.027

Ключевые слова

Языковая картина мира, русский язык как иностранный, турецкий язык, темпоральные отношения, лингводидактика, диалог культур.

Введение

Категории пространства и времени – фундаментальные категории любой языковой общности: пространственно-временные отношения находят отражение во всех языках, репрезентируясь в различных или сходных средствах (грамматических, лексических, комбинированных). В концепте «время», «содержатся представления, принадлежащие разным мирам – физическому, духовному, обыденному, научному, вербальному, акциональному. Но это не набор и не сумма отдельных представлений, а единство, синтезирующее материальный (внешний) и идеальный (внутренний) опыт человека» [Рябцева, 1997, 78]. Исторически складывающиеся представления о пространстве и времени у носителей различных языков далеко не всегда совпадают, особенно если это разноструктурные языки, как, например, турецкий и русский. Характер концептуализации пространственных и темпоральных отношений в русской и турецкой языковых картинах мира определяется во многом историей и культурой народов, говорящих на этих языках, логикой их мышления, поэтому турецким студентам, изучающим русский язык, важно научиться понимать логические и ассоциативные связи, характеризующие указанные отношения в сознании носителей русского языка. Пространство и время тесно связаны, поскольку мир вокруг нас существует во времени и пространстве, при этом «пространственное восприятие мира онтологически предшествует его временному постижению» [Яковлева, 1994, 94].

Основная часть

Рассматривая систему временных значений и средств ее выражения в современном турецком языке, нетрудно заметить тесную связь восприятия времени с историческим прошлым турок [Напольнова, 2022, 23], с культурными традициями народа. В частности, анализ лексем турецкого языка, передающих одновременно значение и времени, и пространства, позволяет исследователю подтвердить мысль о преобладании у турок как у кочевого народа пространственных представлений [Напольнова, 2022, 24], что определяет во многих случаях, хотя и не во всех, целесообразность при обучении турецких студентов русскому языку рассмотрения темпоральных отношений на фоне пространственных. В частности, как в русском, так и в турецком языке близость пространственно-временных представлений можно продемонстрировать на примере конструкций, обозначающих отрезок времени, необходимого на преодоление определенного пути, или оценку близости / дальности пункта назначения, ср.: *рус. Мой брат живет в двух шагах от меня. – тур. Erkek kardeşim benden iki adım uzakta yaşıyor; Озеро находится в трех часах ходьбы от нас. – тур. Göl bizden üç saat yürüme mesafesinde bulunmaktadır.* Очевидно, что логика названных конструкций легко понимается турецкими студентами, изучающими русский язык. Практически не вызывает затруднений и употребление словосочетаний типа *в далеком прошлом / в ближайшем будущем*, семантика и функционирование которых в турецком языке аналогичны русским эквивалентам, поэтому в подобных случаях целесообразно сконцентрироваться на грамматической стороне и обратить внимание учащихся на правильность употребления предложно-падежных конструкций, а также на невозможность в русском языке сочетаний типа **ближнее будущее / *дальнее прошлое* при наличии *ближайшее будущее / далекое прошлое*. Отдельно следует сказать о тех случаях, когда в качестве определяемого слова выступает более конкретная номинация периода времени. По-русски можно сказать: *ближайшее воскресенье, ближайший понедельник* и пр., равно как и в

ближайшее воскресенье, в ближайший понедельник и пр. в конструкциях, указывающих на отношения одновременности действий, при этом в составе названной конструкции могут употребляться не только слова *день, неделя, месяц* и пр., но и названия очень кратких временных промежутков (*минута, секунда, миг*; последнее, правда, в единичных контекстах), например: *На солнце, как огнепоклонник. В ближайший миг на этот скоп Пахнет руда, дохнет покойник. [Михаил Елизаров. Pasternak (2003)]; Никто не мог предсказать, и меньше всего сам Камбиз, что он способен выкинуть в ближайшую минуту. [Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)]; Тогда, над мысом Шмидта, я был в неведении; сейчас я точно знаю, что в ближайшие минуты всех нас ждет запланированный и осознанный риск. [Владимир Санин. Не говори ты Арктике – прощай (1987)]; Такое развитие событий возможно уже в ближайшие недели [Николай Федотовский. Греция на краю пропасти // «Эксперт», 2015].* Следует также подчеркнуть, что слова *секунда, минута, день, неделя* ставятся преимущественно во множественном числе, хотя могут употребляться и в единственном, когда на время действия указывается более определенно. В турецком же языке употребление эквивалента слова *ближайший* в темпоральных сочетаниях имеет несколько иные закономерности. Ср.: тур. *Önümüzdeki haftalarda Türkiye'de Hangi Kültür Sanat Etkinlikleri Olacak* [Onedio, www] (*рус. Какие культурные художественные мероприятия пройдут в Турции в ближайшие недели?*); тур. *Önümüzdeki haftalarda güçlü bir dalgalanma bekleyebilirsiniz* (*рус. В ближайшие недели мы можем ожидать сильного всплеска*) [Sözcü, www]. В приведенных примерах лексема *önümüzdeki* не в полной мере совпадает по семантике с эквивалентной ей в русском языке лексемой *ближайший* и может быть дословно переведена как «перед нами». Более того, слово *önümüzdeki* способно сочетаться только с единицами, номинирующими длительные периоды (не менее нескольких дней) [Напольнова, 2022, 33], в отличие от русского языка, в котором возможны, как было показано, сочетания с номинациями даже очень коротких отрезков времени. Национальный корпус русского языка дает достаточное количество таких примеров. В особенностях употребления турецкого слова *önümüzdeki* Е.М. Напольнова видит отражение «присущего мусульманскому мировоззрению и распространенному среди турок общего представления о предопределенности будущего» [Напольнова, 2022, 33]. Вероятно, можно также говорить о некотором несовпадении в оценке длительности периодов в сознании представителей русской и турецкой культур. Сходство в выражении временных отношений в русском и турецком языках с опорой на пространственные ориентиры может быть обманчивым и, как следствие, провоцировать ошибки. В частности, в случае с прилагательным *ближайший* ненормативность в родном языке турецких студентов сочетаний эквивалентной лексемы *önümüzdeki* со словами, обозначающими короткие промежутки времени, может стать причиной затруднений в выборе средств выражения данного значения в русском языке.

Временные отношения имеют онтологическую значимость, являются существенными и типичными для понимания объективной действительности, входят как неотъемлемая часть в языковую картину мира народа, говорящего на данном языке, в определенном смысле формируют схему восприятия окружающей действительности, которая зафиксирована в данном языке и свойственна для данного языкового коллектива [Яковлева, 1994, 9].

В отличие от турецкого языкового сознания, для русского характерна четкая линейная последовательность в представлении событий, соотнесенных с временными отрезками [Напольнова, 2022, 28], что обуславливает частотное употребление порядковых числительных в конструкциях времени, имеющих свою специфику, например, в выражении точного и неточного указания на продолжительность временного интервала. При изучении русского

языка, по наблюдениям Е.М. Напольновой, турецким студентам бывает трудно уловить различия в конструкциях типа *три дня* (сколько?) / *третий день* (который?), если нет уточняющего контекста [там же]. Позволим высказать некоторые сомнения в высказанном исследователем утверждении. Действительно, у турецких студентов могут возникать проблемы в употреблении русских количественных и порядковых числительных, однако конструкции времени, включающие их, как правило, четко дифференцируются носителями турецкого языка, поскольку в родном языке учащихся это также будут разные конструкции. Ср.: *Третий день мы едем по пустыне.* – *Üçüncü gün çölden / çölde gidiyoruz.* *Три дня мы едем по пустыне.* – *Üç gündür çölden / çölde gidiyoruz.* На этапе отработки указанных конструкций, на наш взгляд, целесообразно предлагать больше семантизирующих контекстов либо давать задание на расширение контекста в соответствии с предполагаемой ситуацией.

Остановимся еще на одной интересной особенности употребления единиц с темпоральным значением в русском и турецком языках. В турецком языке невозможно употребление слова *zamanda* (время) для обозначения точного соотношения со временем суток: *geç zamanda (букв.: позднее время (дня) + в); для выражения данного значения в турецком языке употребляется только слово *saatte* – *geç saatte* – букв.: поздний час + в, что, по мнению Е.М. Напольновой, объясняется различными представлениями турок о времени вообще, которое ассоциируется с линейностью (линейная модель времени), и временем точным, связанным с конкретными представлениями о работе часов [Напольнова, 2022, 26]. Для обозначения одновременности действий в современном русском языке могут употребляться синонимичные сочетания *в позднее время* и *в поздний час*: *Что делать врачу в больнице в поздний час?* [Е. Н. Крюкова. *Яства детства // «Волга», 2009*]. *Больше в позднее время звонить кому-либо было неудобно, но счастье захлестывало Александра Николаевича, и он позвонил в ресторан «Метрополя», попросил принести ему бутылку шампанского.* [Лидия Вертинская. *Синяя птица любви (2004)*]. Отметим, что в Национальном корпусе русского языка контекстов с выражением *в поздний час* значительно больше (75 / 40 примеров). В русском языке возможно также выражение *в поздние часы*, синонимичное *в поздний час* и *в позднее время*, но употребляющееся, когда говорят преимущественно о повторяющемся действии: *В поздние часы, когда нельзя уже было снова пойти к подругам, она шла на улицу.* [Г. Е. Николаева. *Битва в пути (1959)*]. Проанализированные нами контексты из Национального корпуса турецкого языка и из турецких интернет-источников показывают, что в современном турецком языке преобладают примеры с выражением *geç saatlerde* (= поздний час / в поздний час), однако есть также контексты с эквивалентами русского слова «время»: *geç vakitte*, (*zamanda*) (21); *geç vakitlerde* (*zamanlarda*) (12). Например:

тур. Dün geç saatlerde (время суток) Mehmet bizi ziyarete geldi. (досл. Вчера поздний час Мехмет зашел к нам в гости): тур. O kadar geç vakitte (zamanda) (время суток) trenler, saatte iki kez geçiyor. (досл. В это позднее время поезда ходят дважды в час). Вероятно, можно говорить о тенденции в турецком языке к расширению сочетаемости слова *zamanda*. С методической точки зрения активизация его употребления в турецком языке для обозначения точного соотношения со временем в определенной мере облегчает задачу преподавателя русского языка как иностранного.

Различия в представлениях о времени на лексико-семантическом уровне могут проявляться в употреблении темпоральных слов-эквивалентов. Как указывает Е.М. Напольнова, турецкое слово *vakit* – один их эквивалентов русского «время» / «пора» (сущ.), правда, не очень частотное в современном языке, не может употребляться в конструкциях, обозначающих начальные и

конечные этапы описываемого события (ср.: в первое время / в последнее время), в отличие от другого эквивалента *zaman*, которое в свою очередь не используется при обозначении кратких временных отрезков [Напольнова, 2022, 27]. С одной стороны, это указывает на исторически большую, чем в русском языке, дифференциацию временных периодов, к которым относятся повторяющиеся события, с другой – на возможную тенденцию к постепенному размытию границ этой дифференциации в современном турецком языке, как и в выражениях, описанных выше.

В контексте сопоставления темпоральных отношений в русской и турецкой языковых картинах мира весьма интересны рассуждения А. Д. Шмелева относительно различий в «архаичных» и в «современных» представлениях носителей русского языка о подвижности / неподвижности времени и говорящего [Шмелев, 2002, 39-40], что находит отражение в употреблении таких единиц, как *предшествующий*, *предыдущий*, *предстоящий*, имеющих приставку *пред-*. Названные единицы противопоставляют, по словам А. Д. Шмелева, «два типа “двигательной метафоры времени: движения времени (движется время) и движения во времени (движемся мы)» [Шмелев, 2002, 41]. В определенном смысле такое совмещение находит проявление и в турецком языке, однако для носителя современного турецкого языка более характерен взгляд на время с позиции активного субъекта, движущегося в одном направлении со временем [Напольнова, 2022, 33], взгляд с ориентацией в будущее, о чем свидетельствуют темпоральные метафоры, например: *Bu kadar meşgul olduğunuzda, sanki zaman sizden kaçıyor gibi.* – Когда на тебя сваливается столько работы, кажется, что *время убегает*. *Zamanım azalıyor* (букв. Мое время на исходе / заканчивается) – *Время убегает* неумолимо.

Надо сказать, что темпоральные метафоры в русском и турецком языках во многом совпадают, что облегчает усвоение русских выражений, передающих временные значения, турецкими учащимися. Например, в пособии В.М. Дерibas «Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка» зафиксированы следующие метафорические сочетания со словом «время»: *беречь время, выигрывать время, выкраивать время, давать время, занимать время, затрачивать время, исчерпывать время, наверстывать время, находить время, ограничивать время, отводить время, отнимать время, оттягивать время, предоставлять время, проводить время, проигрывать время, располагать временем, терять время, тратить время, требовать времени, уделять время, укладываться во время, упускать время, устанавливать время, экономить время* [Дерibas, 1979, 188]. Практически все названные метафоры представлены и в турецком языке, однако есть и такие метафорические образования, как *Zamana karşı rekabet etmeyi bırakın* [Wikicell] (досл. *Прекратите соревноваться со временем*).

Модели представлений о времени в различных языковых картинах мира могут предполагать ситуации «прошлое позади нас» и «прошлое впереди нас», которые также могут совмещаться [Степанов, 2001, 124-126]. Говорящий «наблюдатель в зависимости от способа членения временного потока (на однородные исчисляемые отрезки; на прошедшее – настоящее – будущее; на переживаемые периоды времени), а также в зависимости от репрезентируемого аспекта времени осуществляет выбор системы временных координат и отбор языковых средств экспликации времени» [Широкова, 2012, 9-10].

С точки зрения лингвистического понимания времени категория времени помогает локализовать действие относительно точки отсчета, или какого-то временного центра, по отношению к которому действие и определяется предшествующим, одновременным или следующим за ним, в соответствии с чем определяется настоящее, прошлое и будущее. В

качестве временной точки отсчета может выступать актуальный момент речи (реальный момент речи говорящего) или условный момент речи (действие или событие, выделяемое на временном промежутке, которое может быть названо лексически или обозначено грамматически). Иными словами, говорящий характеризует время не объективно, а по отношению к неким точкам отсчета, что на лексико-грамматическом уровне передается через присущие языку средства выражения отношений предшествования, одновременности, следования.

Несмотря на мнимую для учащихся внешнюю простоту системы времен русского языка и способов выражения темпоральных значений, усвоение данной темы вызывает, как уже отмечалось, серьезные затруднения у изучающих русский язык. Дело в том, что для русского языка характерна не только вариативность средств выражения темпоральных значений, но и возможность при продуцировании речи «переключаться с одной системы временных представлений на другую, что сопровождается сменой языковых средств их репрезентации» [Широкова, 2012, 10]. В то же время в турецком языке, как и в других тюркских языках, «отдельные временные значения детализированы, раздроблены <...> грамматическая система времени более расширена в сравнении с типичной трехчленной темпоральной системой славянских языков» [Дербишева, 2016, 213]. Иначе говоря, с одной стороны, носителям турецкого языка трудно постичь логику «переключения», говорящего на русском языке «с одной системы представлений на другую», с другой – непросто «переложить» более дробную систему частных временных значений на менее формально разветвленную систему русского языка.

Например, в турецком языке есть два прошедших времени, которые различаются тем, был ли говорящий свидетелем описываемых событий или он узнал о них от третьего лица, т.е. различаются прошедшее категорическое время и прошедшее субъективное время» [Гениш, 2008, 26-45]. Форма времени, выбираемая носителем турецкого языка, сигнализирует о тех или иных модальных смыслах, которые в русском языке требуют специальных средств выражения, изучаемых студентами только на продвинутом этапе. Так, передача так называемого субъективного времени, соотношенная с таксисной семантикой, может быть выражена в конструкциях *не успел + глагол СВ, как + глагол СВ* [Широкова, 2012, 29]. Еще более сложным для интерпретации носителем турецкого языка является случай употребления предложений с указанной конструкцией в контексте, подчеркивающим субъективность восприятия ситуации, в том числе с модификацией конструкции (замена во втором случае вида глагола), т.е. при выражении «эмотивного времени» [там же, 30]. Ср.: *Я не успел ответить, как подкатил грузовик – спасительный экипаж, который увезет меня от этих мест подальше будто бы в недостижимые пространства. [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)]; Ума не приложу: вот вроде бы все совсем далеко, ан нет, не успел расслабиться, как все окажутся за соседними столиками, вернее, столами. [Михаил Блехман. Все // «Ковчег», 2013]; «А ночь для солдата ой как быстро проходит! Не успел, кажется, лечь, как уже дежурный по роте «подъем» горланит (И.Ф. Стаднюк)» [Широкова, 2012, 30].*

Сама ситуация, когда формальные показатели средств выражения временных значений не могут быть однозначно интерпретированы и требуется учет более широкого контекста, характерны и для турецкого языка [Гениш, 2008, 208]; в турецком языке так же, как и в русском, одно время может использоваться в значении других времен; и в турецком, и в русском языках конструкции времени могут совмещать значения модальности, условия, уступки и др.; наконец, «значения форм времени глагола в обоих языках зависят не только от отношения действия к моменту речи, но и от контекста и речевой ситуации» [Кэрулы, 2015, 194]. Однако логика указанных «совмещений» и «смещений» далеко не всегда совпадает, что и обуславливает

проблемы при изучении турецкими студентами темы «Выражение временных отношений в русском языке».

Заключение

Вероятно, можно сказать, что ошибки турецких студентов в выражении временных отношений средствами русского языка, которые обусловлены недостаточным усвоением предложно-падежной системы (частотными, как указывает Барут Озге, являются, к примеру, ошибки, связанные с употреблением производных временных предлогов (*до истечения* вместо *до истечения*, *по окончанию* вместо *по окончании* [Барут, 2013, 43]), т.е. в основе своей определяются больше формальными причинами, легче поддаются коррекции, чем те ошибки, которые возникают в связи с различиями в представлениях о времени у носителей русского и турецкого языков.

При учете особенностей русской и турецкой языковых картин мира преподаватель сможет более эффективно организовать процесс обучения, в результате которого через усвоение темы «Выражение временных отношений в русском языке» будет реализовываться диалог культур – «диалоговое взаимодействие родной и изучаемой культур (языков), ведущего через свободное самораскрытие реального субъекта(-ов) общения к любви, пониманию и целостности личностного знания» [Дешериева, 1992, 24].

Библиография

1. Барут Озге. Лингвометодические основы создания учебных материалов по обучению турецких студентов деловому общению на русском языке (в сфере строительства): дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 278 с.
2. Всеволодова М.В., Потапова Г.Б. Способы выражения временных отношений. М., 1973. 248 с.
3. Гениш Э. Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания. Т. 2: Времена и наклонения глаголов, виды глаголов, залоговые формы глаголов, смещение значений или времен, глагольные формы. М.: ЛКИ, 2008. 352 с.
4. Гузев В.Г. Категория изъявительного наклонения (индикатив). Категория времени индикатива в турецком языке // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2009. Вып. 1. С. 114-136.
5. Дербишева З.К. Сравнительная грамматика русского и турецкого языков. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 296 с.
6. Дерибас В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М.: Русский язык, 1979. 256 с.
7. Дешериева Ю.Ю. Научно-художественная концепция диалога культур // Язык и культура. Киев, 1992. С. 20-25.
8. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
9. Кэрулы М.М. Категория времени в турецком языке // Казанская наука. 2015. № 10. С. 193-194.
10. Напольнова Е.М. Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка. код русского языка как репрезентант понятийной категории времени: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 39 с.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
12. Национальный корпус турецкого языка. URL: <https://www.tnc.org.tr/>
13. Рябцева Н.К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 78-95.
14. Степанова Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 991 с.
15. Широкова Е.Н. Темпоральный код русского языка как репрезентант понятийной категории времени: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2012. 47 с.
16. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
17. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 343 с.
18. Sözcü. URL: <https://www.sozcu.com.tr/2021/gundem/prof-dr-mehmet-ceyhan-onumuzdeki-haftalarda-guclu-bir-dalgalanma-bekleyebiliriz-6672805>
19. Onedio. URL: <https://onedio.com/haber/biraz-da-kulturlenelim-onumuzdeki-haftalarda-turkiye-de-hangi-kultur-sanat-etkinlikleri-olacak-850414>
20. Wikicell. URL: <https://tr.wikicell.org/ser-puntual-13847>

Temporal relations in the Russian and Turkish language pictures of the world from the perspective of linguo-didactics

Ahmet Muhammet Alparslan

Alparslan Ahmet Muhammet,
Postgraduate,
Pushkin State Russian Language Institute,
117485, 6, Akademika Volgina str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: alparslanahmetmuhammet@gmail.com

Abstract

The article discusses possible approaches to the linguo-didactic description of the means of temporal meanings in Russian, considering the notions of time in the native speakers of the Turkish language. The author uses the idea of considering the similarities and differences between the linguistic worldviews of the native and the studied languages. The aim of the conducted research was to identify a number of similarities and differences in the concepts of time and in the means of expressing temporal meanings in the Russian and Turkish languages. Main conclusions of the study: problems of mastering the topic “Expression of temporal relations in the Russian language” are connected not only with differences in the structure of the Russian and Turkish languages, but also in the logic of thinking of its native speakers, therefore, it is advisable when designing a training system aimed at mastering this topic, to think through a system of minimally sufficient comments which will help students understand the features of temporal representations in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language; consider the typical mistakes that Turkish students make when studying the topic, to develop tasks to prevent possible mistakes. This approach will help to implement the principle of dialogue of cultures in the learning process. The results of the study can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language to native speakers of Turkish.

For citation

Alparslan A.M. (2022) Temporal'nye otnosheniya v russkoi i turetskoi yazykovykh kartinakh mira s pozitsii lingvodidaktiki [Temporal relations in the Russian and Turkish language pictures of the world from the perspective of linguo-didactics]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 12 (4A), pp. 232-240. DOI: 10.34670/AR.2022.71.59.027

Keywords

Linguistic worldview, Russian as a foreign language, Turkish language, temporal relations, linguo-didactics, dialogue of cultures.

References

1. Barut O. (2013) Lingvometodicheskie osnovy sozdaniya uchebnykh materialov po obucheniyu turetskikh studentov delovomu obshcheniyu na russkom yazyke (v sfere stroitel'stva) Doct. Dis. [Linguistic and methodological basis for the creation of teaching materials for teaching Turkish students business communication in Russian (in the field of construction). Doct. Dis.]. Moscow.
2. Derbisheva Z.K. (2016) Sravnitel'naya grammatika russkogo i turetskogo yazykov [Comparative Grammar of Russian and Turkish]. Moscow.

3. Deribas V.M. (1979) Ustoichivye glagol'no-imennye slovosochetaniya russkogo yazyka [Stable verb-noun phrases of the Russian language]. Moscow.
4. Desherieva Yu.Yu. (1992) Nauchno-khudozhestvennaya kontsepsiya dialoga kul'tur [Scientific and artistic concept of the dialogue of cultures]. In: Yazyk i kul'tura [Language and culture]. Kiev.
5. Genish E. (2008) Grammatika turetskogo yazyka. Fonetika, morfologiya, etimologiya, semantika, sintaksis, orfografiya, znaki prepiniya: T. 2: Vremena i nakloneniya glagolov, vidy glagolov, zalogovye formy glagolov, smeshchenie znachenij ili vremen, glagol'nye formy [Grammar of the Turkish Language. Phonetics, morphology, etymology, semantics, syntax, orthography, punctuation: Volume 2: Verb tenses and inclinations, verb types, verb collateral forms, value or tense shifts, verb forms]. Moscow.
6. Guzev V. G. (2009) Kategoriya iz"yavitel'nogo nakloneniya (indikativ). Kategoriya vremeni indikativa v turetskom yazyke [The category of the indicative mood (indicative). The time category of the indicative in Turkish]. Vestnik SPbGU. Ser. 13. [Bulletin of St. Petersburg State University Ser. 13], 1. pp. 114-136.
7. Kornilov O.A. (2003) Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov [Linguistic worldviews as derived from national mentalities]. Moscow.
8. Keruly M.M. (2015) Kategoriya vremeni v turetskom yazyke [Time category in Turkish language]. Kazanskaya nauka [Kazan Sciences], 10, pp. 193-194.
9. Napol'nova E.M. (2022) Prostranstvennye i vremennye otnosheniya v leksicheskoi semantike sovremennogo turetskogo yazyka. Doct. Dis. [Spatial and temporal relations in the lexical semantics of the modern Turkish language. Doct. Dis.]. Moscow.
10. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. [Electronic resource]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 06/06/2022]
11. Natsional'nyi korpus turetskogo yazyka [Turkish National Corpus]. Available at: <https://www.tnc.org.tr/> [Accessed 06/06/2022]
12. Onedio. Available at: <https://onedio.com/haber/biraz-da-kulturlenelim-onumuzdeki-haftalarda-turkiye-de-hangi-kultur-sanat-etkinlikleri-olacak-850414> [Accessed 06/06/2022]
13. Ryabceva H. K. (1997) Aksiologicheskie modeli vremeni. Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya vuzov [Axiological models of time / Logical analysis of the language. Language and time]. Moscow: Indrik Publ.
14. Shirokova E.N. (2012) Temporal'nyi kod russkogo yazyka kak reprezentant ponyatiinoi kategorii vremeni. Doct. Dis. [Temporal code of the Russian language as a representative of the conceptual category of time. Doct. Dis.]. Nizhny Novgorod.
15. Shmelev A.D. (2002) Russkaya yazykovaya model' mira [Russian language model of the world]. Moscow.
16. Sözcü. Available at: <https://www.sozcu.com.tr/2021/gundem/prof-dr-mehmet-ceyhan-onumuzdeki-haftalarda-guclu-bir-dalgalanma-bekleyebiliriz-6672805> [Accessed 06/06/2022]
17. Stepanova Yu.S. (2001) Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow.
18. Vsevolodova M.V., Potapova G.B. (1973) Sposoby vyrazheniya vremennykh otnoshenii [Ways of expressing temporal relations]. Moscow.
19. Wikicell. Available at: <https://tr.wikicell.org/ser-puntual-13847> [Accessed 06/06/2022]
20. Yakovleva E.S. (1994) Fragmenty russkoi yazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya) [Fragments of the Russian linguistic worldview (models of space, time and perception)]. Moscow.